

Научная статья
УДК 340.13
doi: 10.17223/15617793/514/23

Место в системе права и опыт структурного анализа нормативной основы правотворческих отношений

Владимир Викторович Булгаков¹, Дарья Владимировна Булгакова²

^{1, 2} Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

¹ bvv30081960@yandex.ru

² dv.bulgakova@mail.ru

Аннотация. Проанализирована существующая регламентация правотворческих отношений и такого правового феномена, как «правотворческое право», на федеральном уровне отражённого в «фрагментарном» формате, но при этом довольно развитого на региональном уровне и детализированного в актах, принимаемых на местном уровне. Предложен вариант по разработке единого нормативного правового акта, регламентирующего правотворческие отношения.

Ключевые слова: правотворчество, правотворческое право, правотворческие отношения, правотворческая инициатива

Для цитирования: Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Место в системе права и опыт структурного анализа нормативной основы правотворческих отношений // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 205–211. doi: 10.17223/15617793/514/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/23

The normative basis of law-making relations: Place in the legal system and experience of structural analysis

Vladimir V. Bulgakov¹, Darya V. Bulgakova²

^{1, 2} Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

¹ bvv30081960@yandex.ru

² dv.bulgakova@mail.ru

Abstract. Lawmaking is the process of creating, amending, or terminating legal norms based on decisions by legislative bodies or the will of the people. Moreover, the legislative branch and civil society—without whose existence and active involvement effective lawmaking is impossible—must engage in a constant, comprehensive, honest, and open dialogue. It is in this aspect that the category of lawmaking relations should be considered within the context of lawmaking as a whole, to define the range of subjects of lawmaking relations, and to attempt to understand their nature. Interest in lawmaking remains strong, as do debates regarding its recognition as a distinct branch of law. This is explained by the nature of lawmaking and its role in the life of the state as such, and of the state as a dynamic, constantly evolving structure of societal life that changes under the influence of external and internal factors, with its immediate goal being the protection of the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens. Many domestic researchers have dedicated their work to the problems of lawmaking, notably A.B. Vengerov, V.V. Oksamtyny, A.V. Melekhin, V.I. Chervonyuk, and N.M. Chistyakov. This research employs the following methods of scientific inquiry: analysis, synthesis, comparison, modeling, forecasting, and abstraction. The object of the research is social relations arising in the sphere of lawmaking with a focus on the normative basis of lawmaking relations. The main conclusions of the research are the following. 1. Lawmaking law exists at the intersection of two branches of Russian law: constitutional and administrative, with a clear inclination towards constitutional law, particularly concerning the definition of the range of subjects of lawmaking relations (Article 104 of the Constitution of the Russian Federation). 2. The range of subjects of lawmaking relations, as de facto defined in Article 104 of the Constitution of the Russian Federation, should be supplemented with a provision recognizing civil society as a full-fledged subject of lawmaking relations, based on the principle that the people are the sole source of power in the Russian Federation. 3. Currently, the courts are not vested with a direct obligation to participate in lawmaking relations; however, the example of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrates a clear influence of judicial lawmaking on the Russian legal system as a whole, particularly on the most acute and relevant issues. 4. Acts regulating the sphere of lawmaking at the local level are characterized by a specific degree of detail not found at the federal and regional levels. This detailed regulation is justified, as it prevents ambiguity in the decision-making process.

Keywords: lawmaking, lawmaking law, lawmaking relations, lawmaking initiative

For citation: Bulgakov, V.V. & Bulgakova, D.V. (2025) The normative basis of law-making relations: Place in the legal system and experience of structural analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 205–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/23

Введение

Эффективность правотворчества – гарант развития государства, особенно в русле становления правового и демократического базиса, на котором выстраиваются общественные отношения в большинстве государств современности.

Определений природы правотворчества в правовой доктрине существует множество.

А.Б. Венгеров считает, что «правотворчество – это организационно-оформленная, установленная процедурная деятельность государственных органов» [1. С. 477].

Для Т.Н. Радько «правотворчество – процесс, который “протекает в установленных процедурах и основывается на определенных принципах”» [2. С. 363].

Интерес к правотворчеству не ослабевает, как не утихают и дискуссии относительно выделения правотворчества в отдельную отрасль права. Это объяснимо, прежде всего, тем, что природа правотворчества, его роль в жизни государства как такового и государства как динамичной, постоянно развивающейся и меняющейся под воздействием внешних и внутренних факторов структуры жизни общества, имеющей своей непосредственной целью защиту прав, свобод, законных интересов граждан, а равно с этим создание оптимальных, наиболее комфортных условий для жизни, труда и всестороннего развития индивида, является во многом флагманом государственной политики. Этот, казалось бы, теоретический тезис на практике в полной мере доказывает тот факт, что в преамбуле Проекта федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» указано следующее положение: «Обеспечение принципов правового государства неотделимо от высокой эффективности законодательного регулирования общественных отношений» [3]. Эти слова – буквально формула действия правотворчества. Придерживаясь этой формулы, считаем необходимым проанализировать имеющуюся на сегодняшний день регламентацию правотворческих отношений с целью выявить проблемы и предложить варианты их решения на основе уже имеющегося довольно богатого опыта преобразования регламентации правотворчества на региональном и местном уровнях власти.

Методика проведения исследования

В настоящем исследовании использованы такие методы научного познания, как анализ, синтез, сравнение, моделирование, прогноз, абстрагирование.

Результаты исследования

Правотворчество – процесс создания, изменения, либо прекращения существования правовых норм на основе решений органов законодательной власти либо волеизъявления граждан, более того – законодательная власть и гражданское общество, без существования и

активной деятельности которого эффективное правотворчество, о коем мы упомянули в начале наших рассуждений, невозможно, должны находиться в постоянном, всеобъемлющем, честном и открытом диалоге. И в этом аспекте, как нам представляется целесообразным и наиболее практикоориентированным, стоит рассмотреть категорию правотворческих отношений в контексте правотворчества в целом, определить круг субъектов правотворческих отношений и попытаться понять особенности правового регулирования правотворческих отношений, потому как любое общественное отношение (коим, несомненно, по своей природе является правотворческое отношение на всех уровнях) должно быть урегулировано нормами права.

Правотворческие отношения представляют собой специфические общественные отношения, направленные на создание, изменение либо прекращение действия норм права. Как видно, дефиниции правотворчества и правотворческих отношений в целом схожи – и то, и другое имеет своей целью положительно повлиять на правовую систему путём внедрения качественно новых, либо видоизменённых норм права, либо, напротив, путём отмены нормативного правового акта в целом либо в части, но, опять же, с целью положительного влияния на правовое регулирование общественной жизни. Но при этом существует и весомое различие, не дающее интегрировать два эти понятия: правотворчество является сложным процессом, имеющим либо в негативных ситуациях – не имеющим результата в виде принятия, изменения либо прекращения действия правовых норм, в то время как правотворческие отношения – это, прежде всего, общественные отношения с определённым кругом субъектов и с определённой регламентацией. В данном отношении правотворчество как внешнее выражение деятельности органов государственной власти является скорее последующей стадией правотворческих отношений, представляющих собой некий фундамент правотворческой деятельности, её исток.

Так, круг субъектов правотворческих отношений как общественных отношений довольно специфичен. Ошибочно полагать, что этот круг ограничивается лишь на органах государственной власти, наделённых полномочиями по принятию, изменению либо прекращению действия нормативных правовых актов, либо отдельных правовых норм – круг субъектов правотворческих отношений гораздо шире. Однако справедливым будет отметить, что здесь с нами не солидаризируется целый ряд отечественных учёных, как то: А.Б. Венгеров [1], В.В. Оксамитный [4], А.В. Мелехин [5], В.И. Червонюк [6], Н.М. Чистяков [7]. Точка зрения этих учёных также достойна внимания, но, по нашему мнению, не в полной мере отвечает сегодняшним правовым реалиям.

В целом, как мы считаем, можно выделить два субъекта правотворческих отношений, но они, в свою очередь, будут включать в себя сразу несколько составляющих. Первый субъект – специальный – те лица

либо органы, наделённые специальной (отсюда и идентификация субъекта как специального) компетенцией по созданию, изменению и прекращению действия правовых норм. К этому субъекту справедливо отнести, прежде всего, те органы, которые перечислены в ст. 104 Конституции Российской Федерации [8] (далее – Конституции РФ), как имеющие право законодательной инициативы.

Считаем рентабельным и даже необходимым в контексте рассмотрения природы специального субъекта правотворческих отношений отнести к этому виду субъекта и органы государственной власти субъекта Российской Федерации, и органы местного самоуправления, потому как правотворчество и правотворческие отношения существуют на всех уровнях государственной власти – более того, признавая, согласно принципам федеративного устройства государства, верховенство федерального уровня власти, необходимо учитывать и то, что правотворческие отношения на уровне субъекта или даже на местном уровне порою даже эффективнее, поскольку, как правило, прямо отвечают актуальным запросам граждан с учётом особенностей регионов их постоянного либо временного проживания.

Второй субъект – субсидиарный – это субъект, не наделённый прямой обязанностью по принятию, изменению либо прекращению действия правовых норм, но который при этом имеет весомое значение в правотворческих отношениях. Речь идёт о гражданском обществе как таковом и о каждом отдельно взятом гражданине со своими индивидуальными потребностями, в частности. Конституция РФ (в ст. 3) указывает на то, что власть в Российской Федерации исходит исключительно от многонационального народа. Смеем предположить, что подобное положение определяет многонациональный народ России как субъект правотворческих отношений, ибо без правотворческих отношений невозможно существование права как такового, а без устойчивой правовой системы нельзя говорить о легитимной власти.

Также стоит отметить, что без участия гражданского общества в правотворческих отношениях невозможен диалог граждан и субъектов, непосредственно наделённых обязанностью видоизменения правовых норм, потому как само по себе видоизменение правовых норм в правовом и демократическом государстве, каким является Российская Федерация, происходит исключительно на основе этого диалога, имеющего своей целью выявить реальные потребности общества, при этом не общества как некой структуры либо же института, а в идеализированной картине каждого индивида – члена этого общества с последующей максимальной защитой его прав и законных интересов. В современном развитом государстве, где интересы каждой отдельно взятой личности должны стоять в приоритете, индивид сам по себе – полноценный участник правотворческих отношений. Своим взаимодействием с другими индивидами и внешним миром в целом, каждый гражданин формирует правовую систему, но, при этом, во избежание хаоса, даже в правовом и демократическом государстве должна существовать строгая

регламентация участия субъектов правотворческих отношений и в самих правотворческих отношениях, и в правотворчестве как таковом. Более того, подобная регламентация как раз и является гарантом соблюдения прав и законных интересов всех субъектов правотворческих отношений.

Обсуждение результатов

В целом парадокс правотворческих отношений состоит в том, что они сами по себе являются источником создания норм права, но и не могут не регулироваться определёнными нормами права.

В настоящее время место правотворчества в системе права условно можно определить как стоящее на пересечении двух фундаментальных отраслей российского права: конституционного и административного, и хотя нет отдельной отрасли правотворческого права, регламентация сферы правотворчества и правотворческих отношений довольна обширна, что позволяет условно обозначить некую сферу правотворческого права в теории. При этом стоит сделать оговорку, что попытка принятия единого нормативного правового акта, всеобъемлюще регулирующего сферу правотворчества, уже предпринималась. Речь идёт о проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», уже упомянутого нами ранее.

Можно выделить следующие нормативно-правовые акты, регулирующие правотворческие отношения. Во-первых, это основной закон – Конституция РФ. Во-вторых, и это наиболее важно в контексте упоминания необходимости учитывать участие граждан в правотворческих отношениях, правотворческие отношения регулируются Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [9]. Природа референдума как правового явления отображена в ч. 3 ст. 3 Конституции РФ – «Высшим непосредственным выражением власти народа является референдум» [8]. Однако, стоит отметить, что ст. 6 названного закона очерчивает круг вопросов, которые не могут решаться на референдуме гражданами, относя их непосредственно к деятельности компетентных органов, иными словами, те случаи, когда субъект правотворческих отношений лишь один специальный субъект. Интересно также и то, что институт референдума, как отмечается в научно-учебной литературе, должно распространяться в России, как, впрочем, и во многих других странах, например в Японии, не получил. В числе объективных причин сложившегося положения отмечают недостаточно чёткое, всеобъемлющее и отвечающее современным запросам нормативно-правовое регулирование референдума [10. С. 88]. Так, например, в названном законе прописан прямой запрет на проведение референдума в последний год полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории РФ. Практически у граждан на довольно продолжительное время теряется возможность участия в правотворческом процессе посредством ре-

ферендума, что естественным образом несколько дисквалифицирует институт референдума. Это одно из многих обстоятельств, которые заставляют законодателя искать иные способы участия граждан в правотворческих отношениях в роли полноценного субъекта.

И такие способы, действительно, находятся. Так, например, существенным шагом в реализации права граждан на участие в правотворчестве и, что немаловажно, в регламентации правотворческих отношений стало принятие Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [11].

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] содержит в себе прямое указание на участие в правотворческом процессе граждан. Положениями названного закона граждане наделяются в целом правом на непосредственное участие в правотворчестве, а органы местного самоуправления, наделённые правом правотворчества в силу специфики своей деятельности, наделяются, напротив, обязанностью вступления в правотворческие отношения с гражданами, выступившими с правотворческой инициативой. Эта конструкция интересна и в том отношении, что она подтверждает тот круг субъектов правотворческих отношений, который мы выделили для себя ранее, а также подчёркивает роль специального субъекта правотворческих отношений: если у субъекта субсидиарного имеется лишь право (но при этом право неотъемлемое) на участие в правотворческих отношениях и правотворчестве, то у субъекта специального имеется в данном аспекте прямая обязанность. Также стоит учитывать, что Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в целом и анализируемая нами ст. 26 в частности нацелены на регламентацию правотворческих отношений на местном уровне, что, в свою очередь, отражено в нормативных правовых актах органов местного самоуправления, о чём речь пойдёт несколько ниже.

В некотором аспекте примечательна правовая регламентация не непосредственного участия всех субъектов правотворческих отношений в процессе правотворчества, а регламентация отдельных процедур, осуществляемых субъектами в ходе правотворческих отношений. Так, например, проверка нормативных правовых актов со стороны граждан возможна, в частности, посредством проверки нормативных правовых актов Общественной палатой Российской Федерации, цель которой, как в целом субъекта правотворческих отношений и института гражданского общества как такового, заключается в обеспечении эффективного диалога граждан и общественных объединений с органами власти – специального субъекта правотворческих отношений. Это регламентируется ст. 18 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об общественной палате» [13] – «Общественная экспертиза». Но при этом относительно данной правовой нормы имеются некоторые нарекания: слишком сжат перечень вопросов, по которым Общественная палата имеет право проводить

экспертизу проектов законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов – всего две позиции при закрытом перечне. Полагается, что данный перечень необходимо если и не сделать открытым, то, по крайней мере, расширить.

Стоит отметить, что регламентация правотворчества и правотворческих отношений на уровне федеральных конституционных и федеральных законов носит фрагментарный характер, а отдельные положения дискуссионны и явно требуют доработки. Так, например, кажется целесообразным на уровне федерального закона каким-либо образом отразить участие граждан в правотворческих отношениях посредством отправления правосудия. Несмотря на то, что правовая система Российской Федерации относится к романо-германской правовой семье, где основной источник права – нормативный правовой акт, а не прецедент, Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ), а также Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) играют роль субъекта правотворческих отношений, но при этом выражая потребности сторон рассматриваемого спора.

Так, к примеру, резонансным стало дело, рассмотренное КС РФ по жалобе программиста Антона Мамичева [14]. Программист, переработав уже имеющиеся программы, создал из их элементов свою – eLearning Metadata Manager. Однако после нарушения его авторских прав суд отказал программисту в выплате компенсации, руководствуясь тем, что сам Мамичев использовал не свой авторский продукт, а результаты чужого интеллектуального труда, потому не может претендовать на защиту своего авторского права на созданную программу. Обращения в вышестоящие инстанции также не принесли для Мамичева положительного результата. Однако КС РФ решил взглянуть на возникшую проблему под иным углом. Им были сделаны два основных вывода. Первый вывод – отсутствие претензий к самому Мамичеву по поводу использования чужих программ не даёт права отказывать Мамичеву в защите его авторского права на том основании, что его программа – переработка чужого интеллектуального труда. Второй вывод – авторы переработанного материала, составных произведений также должны быть признаны авторами со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. В этой связи в ч. 4 ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации была внесена поправка [15]. Таким образом, КС РФ выступил в роли субъекта правотворческих отношений с весомым «коэффициентом полезного действия», существенно изменив всю палитру общественных отношений в сфере авторского права, однако сделал это ввиду активной позиции в отстаивании своих прав гражданина – практически, соавтора видоизменённой правовой нормы. Это доказывает два факта. Первый – не стоит умалять роль судебной практики в правотворчестве, признавая в полной мере за судами субъектность правотворческих отношений. Второй вывод – всё же необходимо, в том числе на конституционном уровне, чётко определить роль граждан в

правотворческих правоотношениях, дополнив, к примеру, ст. 104 Конституции РФ подобным положением: «Право правотворческой инициативы принадлежит также гражданам РФ как единственному источнику власти в государстве». Это будет верно и с той точки зрения, что практически разрешит коллизию, существующую в регламентации правотворчества на сегодняшний день: упоминание возможности и неотъемлемого права участия в правотворческих отношениях граждан в федеральных конституционных и федеральных законах требует того же упоминания и в Конституции РФ, чего сейчас нет.

В целом и КС РФ, и ВС РФ (особенно в части разработки Постановлений Пленума ВС РФ) в полной мере выполняют функции субъектов правотворческих отношений, прямо ими как бы не являясь (они не обладают прямой обязанностью принимать, изменять или прекращать действие нормативных правовых актов, поэтому называть их в полной мере специальным субъектом нельзя). Как отмечает Л.А. Морозова, «правотворческие функции не присущи судебной власти в России. В то же время необходимо признать, что судебная власть достаточно эффективно влияет на процессы правотворчества» [16. С. 291].

Регламентация правотворчества находит своё отражение и на уровне подзаконных нормативных правовых актов, где особую роль играют указы Президента Российской Федерации, среди наиболее актуальных и в полной мере отвечающих запросам современности стоит отметить Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”». Названный указ стал настоящим прорывом в анализе роли правотворческих отношений конкретно на сегодняшний день, облегчив саму процедуру осуществления правотворчества, но при этом регламентируя её в определённых, необходимых во избежание хаоса рамках.

На уровне субъектов РФ проблема регламентации правотворчества также рассматривается самым серьёзным образом. В частности, интересен опыт Чукотского автономного округа, где был принят полноценный Кодекс о нормативных правовых актах [17]. В полной мере стоит отметить возможность создания такого кодекса и на федеральном уровне: кодекс охватывает собой все этапы правотворчества – от планирования разработки нового нормативного правового акта вплоть до опубликования нормативных правовых актов, при этом кодекс отдельно рассматривает каждый субъект правотворческих отношений, регламентируя их действия в процессе правотворчества (ст. 6 названного кодекса – «Обеспечение интересов населения Чукотского автономного округа при подготовке, принятии и реализации нормативных правовых актов автономного округа»). Конечно, это не единственный нормативный правовой акт подобного толка, принятый на уровне субъекта (например, существуют Областной закон Ленинградской области от 16.02.2015 № 5-ОЗ «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов Ленинградской области и

экспертизы нормативных правовых актов Ленинградской области» [18], Закон Калининградской области от 22.09.2003 № 309 «О гражданской законодательной инициативе в Калининградской области» [19], Закон Вологодской области от 17.01.2001 № 647-03 «Об областных нормативных правовых актах» [20] и т.д.), но справедливым будет отметить, что в Чукотском автономном округе категория правотворчества была выведена в другой, более высокий «ранг», даже название «кодекс» даёт право предполагать, что правотворчество наделяется признаками обособленной отрасли права. И ещё раз подчеркнём, что переложение регионального опыта на федеральный уровень вполне реально и кажется рентабельным современности.

Пожалуй, самая детальная регламентация правотворчества прослеживается на местном уровне, что подчёркивается и уже упомянутым нами Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – каждое муниципальное образование имеет хотя бы один акт, регулирующий правотворческую деятельность и правотворческие отношения.

В целом акты, принимаемые на местном уровне, со-лидарируются с названным нами Федеральным законом. Так, анализируя Решение Тамбовской городской Думы от 28.12.2005 № 100 (ред. от 27.09.2023) «О порядке реализации правотворческой инициативы граждан городского округа – город Тамбов» [21] (далее – Решение), которое является очень важным актом в аспекте регламентации правотворческих отношений и участия в них граждан, можно выделить в нём следующие ключевые положения. Решение конкретизирует вопросы, касающиеся порядка сбора подписей для выдвижения правотворческой инициативы, форму подписного листа, проверку оформления подписного листа и так далее. Подобная детализация может показаться излишней, однако мы поддерживает подобную регламентацию правотворческих отношений, потому как она в полной мере отвечает критериям правового и демократического государства, не допуская возможности злоупотребления своим правом того или иного субъекта правотворческих отношений. Не будет преувеличением сказать, что при возможном принятии единого нормативного правового акта, регламентирующего правотворчество на федеральном уровне, вполне рентабельным будет обращение к опыту муниципальных образований в аспекте конкретизации и детализации взаимодействия субъектов правотворческих отношений.

Выводы

Итак, проведя анализ регламентации правотворческих отношений, можно сделать следующие выводы:

1) правотворческое право находится на пересечении двух отраслей российского права: конституционного и административного, но с явным уходом в сторону конституционного права, что касается, в частности, определения круга субъектов правотворческих отношений (ст. 104 Конституции РФ);

2) круг субъектов правотворческих отношений, фактически определённый в ст. 104 Конституции РФ, должен быть дополнен положением о гражданском обществе как полноценном субъекте правотворческих отношений на основании того, что народ является единственным источником власти в Российской Федерации;

3) на данный момент суд не наделён прямой обязанностью участвовать в правотворческих отношениях, однако, на примере Конституционного Суда Российской Федерации мы видим явное влияние судебного правотворчества на правовую систему России в целом, при том по вопросам, наиболее острым и актуальным,

поэтому, принимая возможный нормативный правовой акт, регламентирующий правотворческие отношения, не стоит умалять роль суда в этом процессе;

4) акты, регулирующие сферу правотворчества на местном уровне, отличаются специфичной детализацией, которую нельзя увидеть на федеральном и региональном уровнях, однако, подобная детализация оправдана, поскольку не допускает разнотечений в ходе принимаемых решений, делает саму процедуру правотворчества «прозрачной», и вызывает доверие у граждан как субъектов правотворческих отношений, что также может послужить примером при разработке нормативных правовых актов на федеральном уровне.

Список источников

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник. М. : Омега-Л., 2017. 607 с.
2. Радько Т.А. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2022. 752 с.
3. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».
4. Оксамытный В.В. Теория государства и права : учебник. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 591 с.
5. Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Кнорус, 2021. 326 с.
6. Червонюк В.И. Теория государства и права : учебник. М. : Инфра-М, 2009. 704 с.
7. Чистяков Н.М. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2022. 296 с.
8. Конституция Российской Федерации: принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
9. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
10. Шевченко В.Е. Референдум как институт прямого волеизъявления граждан: эффективность реализации в национальной и международной практике // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46). С. 84–88.
11. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
13. Федеральный закон от 04.04.2005 «Об общественной палате» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е.Мамичева от 16 июня 2022 года.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (часть четвёртая) // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.
16. Морозова Л.А. К вопросу о судебном правотворчестве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 288–291.
17. Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа от 24.02.2009.
18. Областной закон Ленинградской области от 16.02.2015 № 5-ОЗ «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов Ленинградской области и экспертизы нормативных правовых актов Ленинградской области»
19. Закон Калининградской области от 22.09.2003 № 309 «О гражданской законодательной инициативе в Калининградской области» // Российская газета (Региональный выпуск «Запад России»). 2003. № 200.
20. Закон Вологодской области «Об областных нормативных правовых актах» от 17.01.2001 г. № 647-03.
21. Решение Тамбовской городской Думы от 28.12.2005 № 100 (ред. от 27.09.2023) «О порядке реализации правотворческой инициативы граждан городского округа – город Тамбов» // Наш город Тамбов. 2006. № 4 (230).

References

1. Vengerov, A.B. (2017) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Omega-L.
2. Rad'ko, T.A. (2022) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
3. Anon. *Proekt federal'nogo zakona "O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiyskoy Federatsii"* [Draft Federal Law "On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation"]. S.l.
4. Oksamytyny, V.V. (2017) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: YUNITI-DANA.
5. Melekhin, A.V. (2021) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: KnoRus.
6. Chervonyuk, V.I. (2009) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Infra-M.
7. Chistyakov, N.M. (2022) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: KnoRus.
8. *Rossiyskaya gazeta*. (2020) The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ, of 14.03.2020 No. 1-FKZ). No. 144.
9. Russian Federation. (2004) Federal'nyy konstitutusionnyy zakon ot 28.06.2004 g. № 5-FKZ "O referendume Rossiyskoy Federatsii" [Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of June 28, 2004, "On the Referendum of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 2710.
10. Shevchenko, V.E. (2020) Referendum kak institut pryamogo voleizyavleniya grazhdan: effektivnost' realizatsii v natsional'noy i mezhdunarodnoy praktike [Referendum as an Institution of Direct Expression of Citizens' Will: Effectiveness of Implementation in National and International Practice]. *Evraziskaya advokatura*. 3 (46). pp. 84–88.
11. Russian Federation. (2006) Federal'nyy zakon "O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii" ot 02.05.2006 № 59-FZ [Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006, "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 19. Art. 2060.
12. Russian Federation. (2003) Federal'nyy zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003, "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 40. Art. 3822.

13. Russian Federation. (2005) Federal'nyy zakon ot 04.04.2005 "Ob obshchestvennoy palate" [Federal Law of April 4, 2005, "On the Public Chamber"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 15. Art. 1277.
14. Constitutional Court of the Russian Federation. (2022) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2022, on the case concerning the review of constitutionality of Clause 3 of Article 1260 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Mamichev*. S.l. (In Russian).
15. Russian Federation. (2006) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ (chast' chetyvortaya) [Civil Code of the Russian Federation No. 230-FZ of December 18, 2006 (Part Four)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52 (part I). Art. 5496.
16. Morozova, L.A. (2014) K voprosu o sudebnom pravotvorchesvye [On the Issue of Judicial Lawmaking]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 8. pp. 288–291.
17. Chukotka Autonomous Okrug. (2009) *Code on Regulatory Legal Acts of the Chukotka Autonomous Okrug of February 24, 2009*. S.l. (In Russian).
18. Leningrad Oblast. (2015) *Regional Law of Leningrad Oblast No. 5-OZ of February 16, 2015, "On Conducting Regulatory Impact Assessment of Draft Regulatory Legal Acts of Leningrad Oblast and Expert Review of Regulatory Legal Acts of Leningrad Oblast"*. S.l. (In Russian).
19. Rossiyskaya gazeta. (2003) Zakon Kaliningradskoy oblasti ot 22.09.2003 № 309 "O grazhdanskoy zakonodatel'noy initsiative v Kaliningradskoy oblasti" [Law of Kaliningrad Oblast No. 309 of September 22, 2003, "On Civil Legislative Initiative in Kaliningrad Oblast"]. Regional'nyy vypusk "Zapad Rossii". 200.
20. Vologda Oblast. (2001) *Law of Vologda Oblast No. 647-03 of January 17, 2001, "On Regional Regulatory Legal Acts"*. S.l. (In Russian).
21. *Nash gorod Tambov*. (2006) Reshenie Tambovskoy gorodskoy Dumy ot 28.12.2005 № 100 (red. ot 27.09.2023) "O poryadke realizatsii pravotvorcheskoy initsiativy grazhdan gorodskogo okruga – gorod Tambov" [Decision of the Tambov City Duma No. 100 of December 28, 2005 (as amended on September 27, 2023) "On the Procedure for Implementing the Law-Making Initiative of Citizens of the Urban Okrug – Tambov"]. 4 (230).

Информация об авторах:

Булгаков В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: bvv30081960@yandex.ru

Булгакова Д.В. – преподаватель кафедры правовых дисциплин среднего профессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Bulgakov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: bvv30081960@yandex.ru

D.V. Bulgakova, lecturer, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 20.03.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.